

ГЛУБИНА

МЕЖДУ

НАМИ

ОЛИВИЯ МУН

Оливия Мун
Глубина между нами

«Автор»

2026

Мун О.

Глубина между нами / О. Мун — «Автор», 2026

Она могла смотреть на океан лишь сквозь экран ноутбука. Он же — тот, кто скользит по волнам, как будто рождён для них. Её мир — душная общага, предательство и жизнь, навязанная матерью. Его мир — ветер и свобода, которая ей так нужна. Но однажды ночью в коридоре общежития луна становится свидетелем её тайного ритуала, а океан — самой заветной мечтой. Теперь она — волонтёр в лагере у самой воды, спасает черепах из браконьерских сетей и каждый день всматривается в глубину, надеясь увидеть ту, что умеет дышать под толщей. А он — её искушение, перед которым невозможно устоять, и причина, по которой стать русалкой кажется невыносимым. Романтическое фэнтези о выборе между двумя стихиями: любовью к нему и зовом океана. Где, чтобы обрести себя, нужно навсегда потерять сушу. А чтобы быть вместе — отказаться от мечты всей жизни.

© Мун О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Оливия Мун

Глубина между нами

Глава 1

«Сегодня! Сегодня у меня точно получится!»

В глазах темно-карего цвета загорелись искры. Девушка, чьи чёрные волосы почти сливались с темнотой коридора, тихо ступала по деревянному полу общежития. В пальцах она нервно сжимала белый листочек, уже помявшийся от волнения, и все озиралась по сторонам, прислушиваясь к любым шорохам, но в коридоре было на удивление тихо: почти все ушли на вечеринку к местным волейбольным звездам, и гулкая пустота только подстегивала сердце биться чаще. Ее парень Эрик тоже звал с собой, но Люси отказалась, пообещав прийти позже, ведь сегодня полная луна, и это её последний шанс изменить жизнь, по крайней мере она так думала, чувствуя, как ладони становятся липкими от пота.

Подойдя к дверям душевых, она опустила ручки, и дверь с тихим, жалобным скрипом пропустила её внутрь, где пахло сыростью, старой ржавчиной и чужим гелем для душа с апельсином. Леопардовые шлепки мягко шлёпали по влажному полу, и Люси прошла в самый конец, к последней кабинке, потому что только здесь было маленькое, запотевшее окно, в котором сейчас, как в серебряном зеркале, отражалась огромная луна. Она будто смотрела прямо на девушку, зачаровывая холодноватым светом, и Люси, задёрнув шторку, раскрыла наконец сжатый листок, её взгляд нервно забегал по строчкам:

«1. Подготовка: встать в ванну или войти в водоем по щиколотку. Снять украшения, распушить волосы (обязательно!).

2. Серебряный ковш: любая емкость с ручкой — кружка, ковш или бутылка. Вода должна постоять под луной 10–15 минут, чтобы зарядиться».

— Так, эти пункты я выполнила, — прошептала Люси и достала из сумки бутылку с водой, которую ещё в комнате поставила на подоконник, пока соседка спала и ничего не замечала, а затем вытащила небольшой ковш, купленный специально для сегодняшнего вечера. В груди расцвело тёплое предвкушение, и она снова поверила, что сегодня всё получится: недавно она наткнулась в интернете на сериал про трёх девчонок-русалок, забыла обо всём на свете, смотрела его запоем три дня, а когда закончился третий сезон и она узнала, что продолжения не будет, стало так грустно, что хоть вой. Потом она принялась искать новые фильмы, ведь была просто одержима русалками, и, хоть подруги с парнем посмеивались, Люси не могла перестать верить, что однажды, глядя на луну, она превратится.

Тряхнув головой, она убрала чёрные пряди с лица, волосы на миг закрыли глаза, и она досадливо дернулась. Взглянув на луну, Люси вдруг заметила, что та словно засветилась ярче, и в зрачках с новой силой вспыхнул тот самый огонек. Её голос с легкой хрипотцой эхом разнесся по пустым душевым, когда она начала читать дальше:

3. «Произнесите слова заклинания:

Луна-царица, владычица вод,

Забери моё тело, дай русалкин род.

Кожа чешуей, ноги — хвостом.

Я в полночь водой оболуюсь — Навсегда в воде проснусь.

Слово мое крепко. Да будет так.

Важно: шепотом, глядя на луну в окно, в конце резко облить себя из ковша с головы до ног, не закрывая глаза»

— Я готова! — выдохнула Люси.

Она сняла с себя футболку и шорты, аккуратно сложила в белый пакет, повесила на крючок, и в груди снова расцвела надежда. Вылив воду из бутылки в ковш, она шагнула в центр душевой и встала лицом к луне. Серебряный свет озарил её высокую худую фигуру, подчеркнул острые ключицы, длинные ноги и чёрные рассыпавшиеся волосы.

«Пора».

Люси вновь пробежалась глазами по листку и принялась чётко произносить вслух слова заклинания. Она повторила их три раза, чувствуя, как сердце начинает ускоряться, а пальцы, сжимающие ручку ковша, мелко подрагивают. Стоило ей выдохнуть последние слова, как она опрокинула на себя воду и миг стала мокрой с головы до пят, и в этот момент сердце в её груди будто остановилось — вот оно, она сделала это, и, может быть, именно сейчас у нее все получится. Девушка не смогла сдержать улыбки: в темноте душевой расцвела её широкая, радостная улыбка, и даже прозвучал лёгкий смех, но он быстро замер, когда она услышала злобные смешки с другой стороны шторы.

Шторка резко отлетела в сторону, и на пороге кабинки стояли три девушки — главные стервы всего университета. Высокую блондинку звали Кристи, и на ней было крошечное, серебристое платье, которое облепляло её спортивную фигуру, как вторая кожа, а длинные волосы лежали идеальными локонами. Рядом с ней хихикала брюнетка Вайлет в коротком, чёрном топе и кожаной юбке, едва прикрывавшей бедра, а на ногах у неё красовались туфли на таких высоких шпильках, будто она собралась на красную дорожку. Третья, рыжая, была в алом обтягивающем платье с глубоким вырезом, и вся троица пахла дорогими духами, алкоголем и той особенной уверенностью, которая бывает только у тех, кто привык получать все и сразу.

— О, смотрите, — протянула Кристи, прикрывая рот ладошкой, но не скрывая довольной усмешки. — Наша Люсичка решила стать русалкой? В общажной душевой? Это просто жалко, девочки, вы только посмотрите на неё.

— Она реально верит в эту ерунду? — подхватила Вайлет. — Серьёзно, ты обливаешься водой и что? Думаешь, у тебя вырастет хвост? Ты посмотри на себя — мокрая курица, которая начиталась глупых сериалов.

— Эрик говорил, что она чокнутая, — вставила третья, лениво поправляя волосы. — Но я не думала, что настолько. Слушай, подруга, может тебя в дурку пора, а не в русалок играть? Ты бы ещё ракушки к ушам приложила.

Все трое громко засмеялись, и их смех отражался от сырых стен, больно бил по ушам, врезался в мокрую кожу, будто хлестал по ней. У Люси перехватило дыхание, щёки вспыхнули огнём, а на глазах выступили слёзы, которые она не могла сдержать, как ни старалась. Дрожащими руками она схватила полотенце, висевшее на крючке, кое-как прикрыла мокрое тело и, не помня себя, побежала к выходу, больно ударившись плечом о дверной косяк. Сзади всё ещё доносился их противный смех и чьё-то: «Беги-беги, рыбка!», но Люси уже ничего не понимала, она бежала по коридору, шлёпая босыми ногами по полу, влетела в свою комнату, захлопнула дверь и рухнула на кровать лицом в подушку. Слёзы потекли ручьём, она кусала губы, чтобы не завывать в голос, и всё внутри неё сжималось.

Она не знала, что в этот самый момент, за тысячи километров от неё, в глубинах океана, что-то дрогнуло и откликнулось на её зов.

Океан чувствовал всё. Он ощущал каждый всплеск, каждое дуновение ветра, каждый удар волны о скалы. Его воды были темны и глубоки, и в них отражалась та же луна, что висела сейчас над центром. Он смотрел на свой бескрайний простор и чувствовал, как в груди его разливается вековая тоска по тем временам, когда люди помнили, как разговаривать с ним на его языке. Но сейчас, в эту ночь, он почувствовал едва уловимый импульс, похожий на далёкий шёпот. Кто-то звал его. Кто-то на суше, в бетонном мегаполисе, где он почти не чувствовал своего присутствия, поднял взгляд к луне и произнёс древние слова. Океан вздрогнул, и его воды колыхнулись в ответ. Он почувствовал душу, которая жаждала стать его частью, которая

хотела нырнуть в его глубины и никогда не возвращаться. И океан ответил. Он знал, что эта душа ещё придёт к нему, что однажды она войдёт в его воды и станет его дочерью.

Но его покой был недолгим. Внезапно он почувствовал вторжение. Что-то чужое, холодное и враждебное снова проникло в его владения. Люди, которые не уважали его, которые искали только выгоду и власть. Они уже не раз приходили сюда, пытаясь украсть то, что принадлежало ему. И теперь они снова здесь, у его рифов, на своих шумных лодках, с приборами, которые резали его слух острыми, неестественными частотами. Океан сжался в гнев, его воды потемнели, но он затаился, ожидая. Он хотел знать, что они ищут на этот раз.

Лодка мерно покачивалась на тёмных волнах у восточного рифа. На её борту стояла женщина. Её волосы были седыми, и они развевались на ветру длинными прядями, а властный, уверенный голос перекрывал шум волн и ветра. Она смотрела на экран планшета, где мерцали подводные карты и координаты, и на её лице застыло выражение решимости. Рядом с ней стоял мужчина в гидрокостюме, с которого всё ещё стекала вода, собираясь в лужицы на палубе. Он только что поднялся из глубины и тяжело дышал, сжимая в руках маску.

— Мы всё прочесали, — сказал он, и голос его звучал устало, с едва сдерживаемым раздражением. — Здесь ничего нет, только кораллы и песок, и рыба. Мы уже несколько часов ищем, мисс Грей, но результатов нет.

Женщина даже не взглянула на него. Она продолжала вглядываться в экран, двигая пальцами по карте, и её седые брови нахмурились ещё сильнее.

— Она там, — сказала она твёрдо, без тени сомнения. — Я знаю, что она там. Там должна быть жемчужина. Не простая жемчужина, та, что даёт океану его силу. Без неё он будет слабеть, и тогда наступит наш час. Вы должны найти её.

— Но мы уже всё обыскали! — взорвался дайвер, и в голосе его послышалась горечь. — Мои люди устали, вода холодная, видимость плохая. Может быть, карта ошибочна.

Женщина подняла на него холодный взгляд, и в нём было столько уверенности, что мужчина инстинктивно сделал шаг назад.

— Никто не мог её забрать, — отрезала она. — Это место известно только мне. Только моя семья знала о жемчужине. Мы хранили её тайну веками, и теперь я должна завершить начатое. Мои планы были нарушены, Говард, — она произнесла это имя с сожалением, и на секунду её голос дрогнул, — мой собственный сын оказался слабаком. Он не смог справиться, и теперь я осталась одна. Я, которая отдала этому делу всю свою жизнь, вынуждена исправлять ошибки других. Но я не отступлю, мы найдём жемчужину, чего бы это ни стоило. Если надо, мы будем искать её до конца. Приготовьте людей к новому погружению.

Дайвер вздохнул, понимая, что спорить бесполезно, и снова натянул маску, готовясь нырнуть в тёмную, холодную воду, которая, казалось, ждала их, затаив дыхание. А женщина снова повернулась к планшету, провела пальцем по экрану, увеличивая карту, и на её тонких губах мелькнула тень улыбки. Ветер рвал её седые волосы, солёные брызги оседали на лице, но она не замечала ничего вокруг, поглощённая одним-единственным желанием.

Глава 2

Преподаватель химии, сухонький старичок в заношенном пиджаке с белёсыми, меловыми разводами на локтях, монотонно вещал что-то про ковалентные связи и ионные решётки, а Люси сидела на третьем ряду и смотрела в окно невидящим взглядом. За мутным стеклом проносились смутные силуэты студентов, которые перебежали из корпуса в корпус, пряча лица от ветра, а вокруг возвышались высокие, серые здания с узкими окнами, похожие на тюремные башни. Ей казалось, что она сидит в клетке, и эта клетка — вся её студенческая жизнь, которую она никогда не выбирала. Вспомнилось, как мать, сложив руки на груди, сказала тогда жёстко, не терпящим возражений тоном: «Химия — это серьёзно, это работа и деньги, а с твоими рыбками ты будешь сидеть на шее у родителей до тридцати». Люси тогда пыталась возражать, сбивчиво говорила про океанологов, про морских биологов, про то, как мечтает изучать китов и дельфинов, плавать с аквалангом и смотреть, как светятся медузы в ночной воде, но мать даже слушать не захотела. *«Не глужи, — отрезала она, — будешь химиком, как я».* И вот теперь девушка сидит в душевной аудитории, слушает про валентности и ничего не понимает, а внутри у неё всё сжимается от тоски по синему океану, которого она почти никогда не видела, но любила так сильно, будто помнила его из какой-то прошлой жизни.

Рядом кто-то резко толкнул её в локоть — это была Анна, её единственная подруга, рыжая, конопатая девчонка с вечно жующими губами, которая и минуты не могла усидеть спокойно. Анна молча ткнула пальцем в экран своего ноутбука, стоявшего между ними на парте, и Люси перевела взгляд: там шла прямая трансляция соревнований по сёрфингу где-то на другом конце света. Волны были огромными, изумрудно-синими, с белыми шапками пены, и они накатывали на берег с такой мощью, что у девушки перехватило дыхание. А потом она увидела его — молодого парня, который вынырнул из очередной волны первым, оседлал доску и понёсся к берегу, будто это было так же просто, как дышать. У него были пшеничные, кучерявые волосы, развевающиеся на ветру, сбитые в мокрые завитки, и когда он разрезал очередную волну, то выглядел не просто как спортсмен, а как настоящий повелитель этой стихии — лёгкий, сильный и совершенно свободный.

— Это Ник, — зашептала Анна, чуть не подпрыгивая на стуле от возбуждения. — Ты только посмотри на него, боже, какой же он красивый! Он снова выиграл, уже третий раз за сезон, представляешь? И ему всего двадцать два. Говорят, он спит на доске и просыпается только ради волн. Люсь, ну посмотри, какие у него руки!

— Я смотрю, — тихо ответила Люси, но смотрела она не столько на него, сколько на то, как волны принимают сёрфера, как они поднимают его доску и несут к берегу, будто он часть их самих, будто океан узнаёт его и радуется. В груди у неё защемило от тоски по этому синему простору — она почти физически чувствовала запах солёной воды, слышала шум прибоя и ощущала, как песок уходит из-под ног. Ей хотелось быть там, не на трибуне и даже не на доске, а просто внутри этого океана, раствориться в нём без остатка.

— Чем вы заняты! — раздался скрипучий голос преподавателя, который наконец заметил, что они не слушают про его драгоценные ковалентные связи. Девочки разом замолчали, Люси быстро отодвинулась от ноутбука, и в аудитории снова повисла только унылая лекция да скрип мела по доске.

Как только прозвенел звонок, Люси выскочила в коридор, чувствуя, как дышать становится легче, хотя коридор был забит студентами, и все они куда-то спешили, хлопали дверями, смеялись над чем-то в своих компаниях. У огромного окна на первом этаже, где висело мутное солнце, она увидела Эрика. Он стоял, облокотившись о подоконник, широкоплечий, накачанный до такой степени, что шея почти сливалась с трапециевидными мышцами. Волосы у него были коротко стрижены, лицо грубоватое, с тяжёлой челюстью, и взгляд немного туповатый,

будто он постоянно решал в уме простой пример, но никак не мог прийти до ответа. Увидев Люси, он расплылся в улыбке, подошёл и небрежно чмокнул её в щёку.

— Слышал, слышал, — протянул Эрик, скрещивая руки на груди, и в его голосе скользнуло что-то ехидное. — Девчонки из группы поддержки рассказали, как ты в душевой русалкой прикидывалась. Стояла мокрая, с ковшом, и заклинания читала. Люсь, ну ты реально чокнутая.

Он громко засмеялся, так, что стоящие рядом обернулись. В его смехе не было злобы, даже не было настоящей насмешки, а было просто тупое, искреннее веселье, будто он смотрел самое смешное видео в интернете. Люси посмотрела на его лицо, на эту широкую, самодовольную улыбку, и ей стало так паршиво на душе, будто кто-то вылил на неё ведро ледяной воды, только теперь уже не с надеждой, а с окончательным пониманием, что даже собственный парень не воспринимает её всерьёз. Коридор гудел вокруг, студенты толкались, швыряли рюкзаки на плечи, кто-то смеялся, кто-то спорил, а девушка стояла посреди этого шума и чувствовала себя совершенно одинокой.

— Это совсем не смешно, Эрик — едва слышно возразила она, но юноша лишь на секунду перевёл взгляд с какой-то привлекательной красотки с бюстом третьего размера на неё, и в его глазах Люси не увидела ни капельки понимания или хотя бы желания понять.

— Ладно, детка, русалка так русалка, делай что хочешь, — он чмокнул её в макушку, и по телу девушки пробежали неприятные мурашки. Она хотела отстраниться, но он не позволил, положив свою широкую ладонь ей на талию. Люси перевела взгляд вниз, на его ладонь, и в груди у неё было пусто, она давно перестала ощущать тех бабочек, что всегда раньше расцветали внутри при его прикосновениях. Эрик был не плохим парнем, но он совсем не интересовался ею, не хотел знать её желания, и наоборот — он был так похож на её мать, что она просто боялась перечить ему, ведь он видел только свои желания, но не её.

Девушка грустно вздохнула и бросила взгляд на окно, но вместо высоких зданий и облаков вновь увидела тот далёкий океан, и на душе у неё стало совсем паршиво. Анна, стоящая рядом, заметила её взгляд и взглядом же спросила: «*Что с тобой?*», но Люси лишь покачала головой, и взгляд её был таким печальным, что подруга не стала продолжать расспросы.

Эрик тем временем устался в свой телефон, пробежал глазами по экрану и вдруг расплылся в широкой, почти похабной ухмылке, от которой у Люси внутри что-то неприятно сжалось, а потом резко, не отрываясь от телефона, произнёс:

— Пойдёшь сегодня на вечеринку?

Девушка удивлённо посмотрела на него, даже чуть приоткрыла рот от неожиданности.

— Так она была у вас вчера, — напомнила она, пытаясь поймать его взгляд.

Юноша рассмеялся, мотнув головой, будто она сморозила самую большую глупость на свете.

— И что? У нас середина сезона, мы празднуем, — он пожал плечами.

Люси задумалась, и Анна, стоящая рядом, всем видом показывала, что ей нужно соглашаться, чуть ли не локтем пихала в бок, вытягивая шею и выразительно округляя глаза, но девушка не хотела. Она отрицательно покачала головой, сжав губы в тонкую линию.

— Не смогу, завтра важный тест, мне надо готовиться.

Эрик покачал головой, но его лицо не выглядело печальным, наоборот, он как будто даже обрадовался, что может пойти один и не тащить за собой скучную девушку, которая вечно сидит в углу и смотрит на часы.

— Хорошо, детка, готовься к экзамену, — бросил он с лёгкостью, уже снова утыкаясь в телефон.

Анна рядом грустно сопела, переминаясь с ноги на ногу. Она так хотела тоже иметь парня из волейбольной команды, но Люси почти никогда не соглашалась на вечеринки, чтобы взять её с собой, а если и соглашалась, то находилась там от силы полчаса и уходила обратно в общежи-

тие, корпеть над учебниками. Оценки были для Люси на первом месте, и всё благодаря матери, та не упускала шанса принизить её заслуги, и никогда девушка не получала от неё похвалы, только новые задания и сухие упрёки, от которых опускались руки.

Её мать, Маргарет Норвуд, была выдающимся химиком с мировым именем: она защитила две докторские диссертации, разработала новый метод синтеза органических соединений, который сейчас изучали в ведущих университетах страны, и возглавляла кафедру в том же университете, где училась Люси, так что каждый преподаватель знал, чья она дочь, и ждал от неё таких же блестящих успехов. Маргарет писала статьи в престижные научные журналы, ездила с лекциями за границу, получала гранты и премии, и в научных кругах её имя произносили с глубоким уважением, почти с трепетом, но дома она была просто матерью, которая желала, чтобы дочь пошла по её стопам, и не замечала, что Люси никогда не имела склонности к химии. Чтобы хоть что-то знать и понимать, девушке приходилось учиться больше и усерднее всех: ночёвки над учебниками, бесконечные конспекты, исписанные мелким почерком, дополнительные занятия по вечерам, и всё равно она чувствовала себя самозванкой, которая вот-вот провалится и опозорит фамилию.

Тут же прозвенел звонок, разрезая гул коридора. Анна схватила подругу за руку и потащила за собой, потому что их следующий преподаватель, старая ведьма с вечно поджатыми губами, терпеть не могла опозданий и могла запросто не пустить в аудиторию. Люси позволила себя увести, но на секунду обернулась и заметила, что Эрик всё так же смотрит в телефон и улыбается, и в груди у неё назрело что-то странное. Она всё же бросила ему через плечо, уже почти теряясь в толпе студентов:

— Увидимся завтра?

Он даже не поднял головы, пальцы быстро бегали по экрану, высвечивая чьи-то сообщения, и он лишь сухо ответил, не глядя:

— Да, да, да.

Девушка почувствовала, как внутри всё сжимается от обиды, но Анна уже тащила её в сторону новой аудитории, цокая каблучками по кафельному полу и что-то быстро болтая про конспекты и домашние задания.

А вечером, когда за окном стемнело и общежитие наполнилось тихим гулом голосов из соседних комнат, Люси сидела за столом с учебником по органической химии, раскрытым на главе про ароматические соединения. Напротив неё на кровати спала соседка, свернувшись калачиком под одеялом и тихо посапывая, и единственным источником света была маленькая настольная лампа с жёлтым абажуром, от которого на конспекты ложились мягкие, уютные тени. Люси уже второй час пыталась запомнить формулы бензольных колец, но в голову лезло всё что угодно, кроме химии: и ухмылка Эрика, уткнувшегося в телефон, и смех тех девчонок в душевой, и далёкий океан, который она, наверное, никогда не увидит. Она устало потёрла глаза, чувствуя, как веки наливаются тяжестью, и уже собиралась перевернуть страницу, когда дверь в её комнату настежь распахнулась.

— Ты что, с ума сошла? — прошипела Люси, оборачиваясь и прижимая руку к груди, но это была Анна — покрасневшаяся, запыхавшаяся, с охапкой одежды в руках, похожей на маленькое, цветное облако из топов, юбок и блестящих тканей.

— Собирайся, мы идём на вечеринку, — заявила подруга без всяких предисловий, кидая наряды на Люсину кровать прямо поверх конспектов. — Я больше не могу смотреть, как ты тут сидишь и киснешь над своей химией. Ты вся зелёная уже, как эти твои бензольные кольца.

— Аня, у меня завтра тест, — устало возразила Люси, но подруга уже рылась в её шкафу, вытаскивая какие-то вешалки и критически их осматривая, поджимая губы.

— Тест будет и послезавтра, и через неделю, а жизнь — один раз. Ты видела свои глаза? Ты похожа на привидение, честное слово. Давай, вставай, я сама тебя переодену, если не хочешь.

Анна вытащила чёрное, короткое платье, которое Люси купила ещё год назад и ни разу не надела, повертела его перед собой и довольно кивнула.

— Вот это то, что надо. И туфли мои возьмишь, у меня там новые, на низком каблуке, чтобы ты не хромала как старая бабка. И косметику я принесла, даже тени с блёстками, представляешь?

Люси попыталась возразить ещё раз, но Анна уже стаскивала с неё домашнюю, растянутую кофту, командовала, чтобы поднимала руки, и через пять минут девушка стояла посреди комнаты в чёрном платье, которое облегло её худую фигуру и делало её почти взрослой, а не просто вечно испуганной студенткой.

Анна довольно отступила на шаг, сложила руки на груди и сказала:

— Вот теперь ты похожа на человека. Давай, спать будешь завтра, а сегодня мы идём отрываться, я тоже хочу познакомиться с кем-то, — заявила, сверкая глазами.

Люси скептически посмотрела на неё, обхватив себя руками за плечи, и спросила устало, почти безразлично:

— Зачем?

Хоть она и встречалась с Эриком, но не чувствовала себя с ним счастливой, нужной или любимой, ничего, будто была лишь его дополнением, красивой деталью, которую можно поставить на полку и вспоминать только когда удобно. Она задумчиво прикусила губу, чувствуя, как внутри борются желание остаться и странное, почти забытое любопытство, но Анна не отставала, уже протягивая ей туфли и подталкивая к зеркалу.

— Пойдём просто ради меня пожалуйста, — жалобно произнесла подруга, сложив руки на груди и выпятив нижнюю губу, как обиженный ребёнок.

Люси приподняла глаза к потолку, тяжело выдохнула, чувствуя, как внутри борются усталость и нежелание спорить, и бросила взгляд на часы. Время показывало двенадцать, стрелки замерли, будто тоже устали за этот бесконечный день.

— Там уже всё закончилось, вечеринка начиналась в десять, — сказала она, надеясь, что этот довод сработает.

Анна рассмеялась звонко и легко, и её рыжие кудряшки запрыгали вокруг лица.

— Ты чего? Сейчас только всё началось!

Девушка покачала головой и перевела взгляд на фотографию, что стояла на тумбочке в простой деревянной рамке. Там они с Эриком счастливо улыбались, обнявшись на фоне какого-то парка, и солнце золотило их волосы. Она подумала с горечью, от которой заньло где-то под рёбрами: *«Что я за плохая девушка, что даже не могу поддержать своего парня»*.

— Хорошо, — в итоге согласилась она, подошла к тумбочке, взяла в руки флакон любимых духов, которые берегла только для самых важных встреч, и пшикнула на запястья, сначала на левое, потом на правое. В комнате мгновенно расцвёл морской аромат — солёный, свежий, с нотками чего-то далёкого и манящего, будто они резко оказались у воды, и девушка на секунду закрыла глаза, вбирая этот запах в себя всей грудью.

Анна радостно закричала, но Люси быстро прижала палец к губам и грозно прошипела:

— Тццц.

Она покосилась на свою соседку, та недовольно перевернулась в кровати, натянула одеяло на уши, что-то пробормотала во сне и затихла.

— Она спит, не переживай, — шепнула Анна, хватая её за руку своей горячей ладонью и таща к выходу, даже не дав Люси как следует поправить платье.

Они выскользнули из общежития в тёплую ночь, полную звёзд и влажного ветра, который тут же растрепал им волосы, и пошли по узкой тропинке за кампус — туда, где начинался старый сосновый лес. Люси знала это место: студенты часто устраивали там вечеринки на поляне у заброшенного кострища, подальше от глаз охраны и преподавателей, которые делали вид, что ничего не знают. Ещё издали было слышно, как гремит музыка с глухими басами, от которых

вibriровало в груди и хотелось то ли бежать обратно, то ли, наоборот, идти быстрее. Воздух пах дымом костра и дешёвым алкоголем, и чем ближе они подходили, тем громче становились голоса, смех, чьи-то пьяные выкрики.

Поляна в лесу оказалась залита оранжевым светом большого костра, который метался в импровизированной яме из камней, подбрасывая к небу снопы искр. Вокруг было полно народу: кто-то сидел на бревнах, тесно прижавшись друг к другу и целуясь так, будто никого вокруг не существовало. Кто-то танцевал прямо на траве, раскинув руки в стороны и покачиваясь в такт медленной музыке, льющейся из чьей-то портативной колонки. Парень в мятой футболке пытался открыть бутылку зубами, рядом с ним девушка с распущенными волосами звонко хохотала, запрокинув голову к звёздам. Чуть в стороне трое волейболистов пили пиво прямо из горла и громко обсуждали чью-то подачу, чередуя слова грубыми шутками, от которых некоторые проходящие девушки краснели, а другие закатывали глаза.

Люси и Анна остановились на краю поляны. Анна сразу же встала на цыпочки, вытянув шею, и начала шарить глазами по лицам в поисках Эрика.

— Где же он? — прокричала она сквозь музыку, но Люси уже и сама пыталась разглядеть своего парня среди этих танцующих, целующихся, пьющих и курящих фигур, которые плясали в неверном свете костра.

Среди сосен мелькали тени, кто-то уходил в темноту обнявшись, раздавался приглушённый шёпот и смешки, и девушка чувствовала, как внутри неё нарастает тревога. Они обошли почти всю поляну, лавируя между парами и компаниями, заглянули к самому костру, где самые смелые подносили руки к огню и тут же отдёргивали, но Эрика нигде не было, только незнакомые или полужнакомые лица, которые даже не смотрели в её сторону.

Люси почувствовала, что ей нужно в туалет. Она шепнула Анне, что сейчас вернётся, и, не дожидаясь ответа, свернула в сторону от поляны, в чащу леса, где было темно и тихо и где, как ей казалось, никто не увидит её неловкости. Она отошла подальше за высокие сосны, уже почти не слыша музыку, присела на корточки у толстого ствола, который пах смолой и сырой землёй, и тут вдруг сквозь шорох веток и собственное смущение услышала знакомый низкий голос, который она узнала бы из тысячи.

Эрик стоял в пяти шагах от неё, прижав к сосне ту самую блондинку из душевой, Кристи, её серебристое платье было задрано почти до пояса, а его широкие ладони лежали на её бёдрах, и они целовались так жадно и громко, будто снимались в каком-то дешёвом фильме. Люси замерла. Сердце сначала упало, а потом бешено забилося в горле, перехватывая дыхание. На глазах выступили слёзы, они текли по щекам, и она даже не пыталась их вытирать, а просто развернулась и побежала обратно, не чуя под собой ног, спотыкаясь о корни и ветки, которые хлестали её по голым ногам.

Она промчалась мимо поляны, не глядя по сторонам, и Анна, которая как раз искала её взглядом, увидела это бледное, мокрое лицо и крикнула ей вслед:

— Что случилось? Люси! Стой!

Но Люси не остановилась, она бежала, не разбирая дороги, обратно в общежитие, влетела в комнату, хлопнула дверью так, что задребезжало стекло, и скинула с себя чёрное платье прямо на пол, оставшись в одном белье. Её тело дрожало, плечи ходили ходуном, а слёзы всё текли и текли, капая на конспекты. Она открыла ноутбук, дрожащими пальцами ввела пароль, и в груди у неё была пустота — не боль даже, а какая-то выжженная обида, смешанная с диким стыдом. Ей было обидно, что Эрик мог выбрать любую, но выбрал именно ту девчонку, которая всегда доставала её, которая смеялась над ней в душевой, которая смотрела на неё свысока и считала жалкой.

На странице браузера осталась открыта вкладка с теми самыми соревнованиями по сёрфингу, что показывала ей Анна. Люси, сама не зная зачем, нажала на запись, ей просто хотелось увидеть волны, успокоиться, заменить эту горечь солёным запахом океана, хотя бы на

экране. Сначала шли кадры с победой того парня с пшеничными кудрями. Ник, как назвала его Анна, он стоял на доске и улыбался в камеру, и от его улыбки становилось чуть легче, а потом диктор сменил тему и заговорил о другом, и голос его стал серьёзным.

«А теперь к тревожным новостям из порта Клейр, — произнёс ведущий с экрана. — В последние месяцы участились случаи браконьерства в прибрежных водах, экологи бьют тревогу, и на этом фоне особенно важным событием стало открытие нового центра помощи диким животным».

Люси вытерла мокрые щёки ладонью и придвинулась ближе к экрану. На записи показывали базу, вольеры и какие-то ёмкости с водой, а потом крупным планом показали девушку. У неё были тёмные, пышные волосы, спадающие на плечи тяжёлыми волнами, и такие яркие голубые глаза, что казалось, они светятся изнутри. Она держала в руках ножницы и с красивой, уверенной улыбкой разрезала красную ленту, которая тут же упала к её ногам.

«Арабелла Грейс, известная защитница океана, открыла центр помощи диким животным на средства своего благотворительного фонда, — продолжал ведущий. — Здесь будут лечить морских обитателей, пострадавших от браконьерства и загрязнения воды».

Люси заворожённо смотрела на эту девушку, на её спокойное лицо, на то, как легко она держалась перед камерами, как уверенно говорила что-то репортёрам, жестикулируя тонкими руками с серебряными браслетами на запястьях. Не думая ни секунды, она открыла поисковик и вбила: *«Центр помощи диким животным Арабелла Грейс»*. Выскочил сайт с фотографиями океана и дельфинов, и на главной странице крупными буквами висело объявление: *«Требуется волонтеры! Помогите нам спасти океан. Заполните анкету».*

Свет экрана подсвечивал её лицо бледным, голубоватым светом, слёзы уже высохли, и на щеках остались только солёные дорожки, стягивающие кожу. Люси, даже не раздумывая, не читая условия, не проверяя, где находится этот порт Клейр и сколько туда лететь, начала заполнять анкету — имя, фамилия, возраст, университет, всё на автомате, потому что внутри неё вдруг проснулось что-то живое, горячее, отчаянное. Она нажала кнопку *«Отправить»*, и через секунду на экране высветились слова: *«Ваша заявка принята, ждите ответа».*

Люси смотрела на эти буквы, на это короткое *«ждите»*, и в груди у неё впервые за весь вечер шевельнулось что-то похожее на надежду. Она закрыла ноутбук, откинулась на подушку и уставилась в потолок, где плясали тени от уличных фонарей, и тихо, беззвучно заплакала уже в последний раз, перед тем как провалиться в сон.

Глава 3

Автобус трясся на ухабах, и за мутным, давно не мытым стеклом проплывали бесконечные зелёные холмы, сменяющиеся то маленькими деревушками с покосившимися заборами, то полями, где ветер гнул высокую траву, будто расчёсывал её огромной, невидимой расчёской. Люси сидела у окна, положив рюкзак на колени, и чувствовала, как от вибрации затекает спина, но ей было всё равно, она смотрела на этот новый для неё мир и не могла наглядеться. Телефон в кармане куртки завибрировал в первый раз, потом второй, потом начал названивать без остановки, и когда она наконец достала его, на экране высветилось одно слово: «*Мама*».

Люси смотрела на эти буквы, на знакомый номер, и не отвечала, ведь она знала, что мать будет звонить, писать, требовать объяснений, кричать, что она всё испортила, что позорит семью, что у неё нет будущего. Девушка перевела взгляд в окно и невольно улыбнулась, чувствуя, как внутри что-то отпускает, будто разжимается тугая пружина. Она вспомнила, как удивилась Анна, когда девушка, сидя в их комнате на чемодане, набитом одеждой и книгами, просто сказала: «*Я взяла академ и уезжаю*». Подруга тогда выронила телефон, он глухо стукнулся об пол, и несколько секунд просто хлопала ресницами, не в силах вымолвить ни слова, а потом выпалила, всплеснув руками: «*Ты с ума сошла? А мама? А экзамены? Куда ты? А что ты вообще будешь делать? В центр помощи, ты как решилась?*» Люси тогда не ответила, только покачала головой и продолжила складывать вещи, аккуратно сворачивая свитера и укладывая их в рюкзак.

А потом был Эрик. Он нашёл её днём в университетском коридоре, когда она сдавала ключи от комнаты, звякнув ими в последний раз. Стоял, сдвинув брови, накачанный, красный от злости, и вместо того, чтобы извиниться и попросить прощения за ту ночь у костра, он сжал челюсти и выдавил из себя только одну фразу: «*Ты сама вынудила меня изменить тебе*». Люси тогда посмотрела на его тяжёлую челюсть, на его глупые глаза, на этого чужого человека, которого она когда-то, кажется, любила, и впервые в жизни рассмеялась легко, почти радостно, потому что в груди вдруг стало пусто и свободно. Чужие желания, чужие надежды, чужие мечты, которые она носила в себе годами, вышли вместе с этим смехом, оставив только её саму.

Она набрала мамин номер вечером того же дня, когда уже сидела в дешёвом хостеле возле вокзала, на скрипучей кровати с продавленным матрасом. Маргарет Норвуд ответила после первого гудка и начала говорить быстро, напористо, как всегда, перечисляя все Люсины ошибки, все её провалы, все причины, по которым она не имеет права бросать учёбу. Люси молчала несколько минут, слушая этот знакомый с детства голос, прикрыв глаза и сжимая телефон побелевшими пальцами, а потом мягко перебила: «*Мама, я больше не хочу потакать твоим желаниям. Мне нужно время, чтобы найти себя. Не волнуйся за меня*». В трубке повисла тишина, а потом раздались короткие гудки. Мать бросила трубку. На секунду Люси снова захотела заплакать, ведь только Анна поддержала её решение, только она знала, как ей тяжело и как она мечтает наконец найти свой путь. Но сердце, вопреки всем доводам, хотело услышать поддержку от семьи. «*Какая же я глупая*», — подумала в ту ночь девушка и вновь посмотрела на письмо в своей почте.

На экране светилось то самое письмо, которое она перечитывала уже, наверное, раз двадцать. В строке «*От кого*» значилось: «*Центр помощи диким животным Арабеллы Грейс*», а тема письма была короткой и простой: «*Приглашение*». Текст, набранный аккуратным шрифтом, гласил:

«Дорогая Люси Норвуд, мы внимательно рассмотрели вашу анкету и были тронуты вашим искренним желанием помочь океану и его обитателям. Нам кажется, что вы можете стать ценным членом нашей команды, и мы будем рады приветствовать вас в порту

Клейр в качестве волонтера. Пожалуйста, подтвердите своё участие до конца недели, и мы вышлем вам всю необходимую информацию о проживании, расписании и том, что нужно взять с собой. С нетерпением ждём вас в нашем центре.

С уважением, Арабелла Грейс».

Люси провела пальцем по экрану, перечитывая эти строчки, и в груди у неё разливалось тепло — кто-то там, далеко, у океана, поверил в неё, даже не зная, кто она такая и чья она дочь.

Пара этих дней пролетела незаметно, и вот её самолёт летел ночью. Люси сидела у иллюминатора и смотрела, как внизу, далеко-далеко, мерцают огни города, похожие на рассыпанную по бархату горсть бриллиантов, а потом они исчезли, и под крылом раскинулась чернота с редкими, бледными облаками. Она почти не спала, всё смотрела на звёзды, которые казались ближе, чем когда-либо, и думала о том, что ждёт её впереди: порт Клейр, океан, центр Арабеллы Грейс, волонтерство, морские животные, которых она сможет увидеть вживую. Стюардесса принесла воду и какой-то пластиковый сэндвич, но девушка не ела, в животе у неё порхали бабочки, только теперь не от страха, а от предвкушения.

А сейчас она ехала в этом старом, дребезжащем автобусе, чьи сиденья были обтянуты потёртым велюром, а водитель слушал какое-то местное радио с трескучей музыкой. За окном уже показались непривычные названия магазинов и кафе, и воздух, который врвался в приоткрытую форточку, пах солью и чем-то свежим, незнакомым. Она достала телефон, увидела ещё семь пропущенных от мамы, вздохнула и убрала его в рюкзак, не перезванивая. Вместо этого она прижалась лбом к холодному стеклу и широко улыбнулась, впервые за долгие годы.

Автобус наконец затормозил, противно скрипнув тормозами, и Люси увидела за окном большие ворота с вывеской, на которой было написано: «Центр помощи диким животным Арабеллы Грейс». Она схватила рюкзак, надела его на плечи, вышла из автобуса и замерла, потому что перед ней раскинулся настоящий маленький городок из белых зданий с синими крышами, точно, как в том репортаже. Везде были аккуратные дорожки, выложенные светлой плиткой, вдоль них росли невысокие пальмы с широкими листьями, которые чуть покачивались от ветра, а вдалеке, за постройками, угадывалась полоска океана с белыми барашками волн.

Сам центр выглядел ухоженным и новым, но без той стерильной чистоты, от которой становится неуютно. На дверях висели таблички с названиями корпусов: «Ветеринарный блок», «Карантин», «Вольеры для реабилитации», «Администрация». Везде сновали люди — кто-то тащил ведра с рыбой, от которых тянуло прохладным, морским запахом, кто-то вёл смешных, толстых тюленей, неуклюже переваливающихся с боку на бок, а кто-то просто шёл с чашкой кофе и улыбался солнцу. И почти у всех на спинах были белые футболки с одинаковой нашивкой — три маленьких пингвинёнка, которые стояли друг за другом, будто гуляли по льдине. Люси не могла на это насмотреться: ей казалось, что она попала в какой-то другой мир.

Около входа стоял веснушчатый парень в такой же белой футболке с тремя пингвинятами на груди, с планшетом в руках, и что-то сосредоточенно спрашивал у трёх других молодых людей, которые тоже были с рюкзаками и выглядели такими же потерянными, как, наверное, выглядела сейчас сама Люси. Она глубоко вздохнула, поправила ляжку рюкзака, который натирал плечо, и подошла к ним, чувствуя, как сердце ускорило ритм и ладони стали чуть влажными.

Парень поднял голову, окинул её быстрым, но внимательным взглядом и сразу расплылся в дружелюбной улыбке, от которой у глаз собрались мелкие морщинки.

— Привет! Ты тоже к нам волонтером? — спросил он таким голосом, будто они были знакомы сто лет.

— Да, — кивнула Люси, чувствуя, как от его простоты и открытости страх понемногу отпускает, а плечи сами собой расслабляются. — Люси Норвуд, из Фернвилла.

— Ого, издалека, — парень присвистнул, и его брови поползли вверх, а потом он что-то быстро застучал пальцами по своему планшету. — Я Бен, местный координатор волонтеров. Дай-ка посмотрю твою анкету. Люси Люси Ага, нашёл. Химический факультет? Серьёзно? — он поднял на неё удивлённые глаза, в которых мелькнуло искреннее любопытство. — И ты бросила всё ради нас?

— Можно и так сказать, — улыбнулась Люси, и в этой улыбке не было ни капли сожаления.

Бен рассмеялся, хлопнул ладонью по планшету и повернулся к остальным — двум парням и одной девушке, которые уже стояли с рюкзаками и с любопытством разглядывали Люси, перешёптываясь между собой.

— Ну что, команда, — громко объявил он, обводя всех весёлым взглядом, — все в сборе, тогда пошли, покажу, где вы будете жить. Вещей у вас немного, так что обойдёмся без служебного транспорта, ножками, ножками.

И он повёл их через весь центр, шагая широко и уверенно. Они прошли мимо ветеринарного блока, откуда доносились странные звуки, то ли птичий крик, то ли чей-то недовольный визг, мимо больших, открытых вольеров, где в бассейнах плескались тюлени, высывая блестящие, мокрые морды и с интересом провожая новеньких взглядами круглых чёрных глаз. Люси всё вертела головой, стараясь запомнить каждую деталь: каждый милый домик, таблички с именами животных, приклеенные к дверям вольеров, цветы в деревянных кадках у административного корпуса. Бен шёл быстро, что-то рассказывал про режим дня, про общие собрания, но Люси не очень его слушала, смотрела на океан, который открывался всё шире с каждым шагом, и чувствовала, как по коже бегут мурашки.

Наконец они остановились у небольшого двухэтажного домика, тоже белого, с такой же синей крышей и маленьким крылечком, на котором стояли чьи-то резиновые сапоги, перепачканные засохшей грязью.

— А вот и ваша резиденция на ближайшие пару месяцев, — сказал Бен, широко разводя руки. — Душ и туалет на первом этаже, кухня общая, на втором — спальни. Кровати свободные есть, разбирайтесь сами. Через час жду всех на обед в столовой — это здание слева, мимо не пройдёте, там на дверях нарисован здоровенный пингвин. Вопросы?

Волонтеры переглянулись и дружно замотали головами. Бен кивнул, улыбнулся и ушёл, насвистывая что-то себе под нос и постукивая планшетом по бедру, оставив их стоять на солнце с рюкзаками и разглядывать свой новый дом. Люси поднялась на крыльцо, потрогала рукой деревянные перила, тёплые от солнца и чуть шершавые на ощупь, и улыбнулась, ей вдруг показалось, что вся её прошлая жизнь, с химией, с Эриком, с мамиными криками и университетскими коридорами, осталась где-то очень далеко, за этими холмами, за облаками, за чертой, которую она наконец переступила, а здесь начиналось что-то настоящее.

Они остались стоять на крыльце вчетвером, переглядываясь с той неловкостью, которая всегда бывает у незнакомых людей, которым предстоит жить под одной крышей. Первым не выдержал высокий парень в зелёной толстовке с капюшоном, свисающим на спину, и с копной тёмных волос, торчащих в разные стороны. Он шагнул вперёд и протянул руку сначала Люси, потом остальным, и рукопожатие у него было крепким, почти спортивным.

— Я Гарри, из Палмвута, — сказал он с таким сильным южным акцентом, что слова растягивались, как жвачка, и звучали почти нараспев. — Сюда приехал, потому что хочу стать ветеринаром и спасти всех этих милых созданий. А вы?

Девушка с короткой стрижкой и серебряной серьгой в носу отсалютовала ему кружкой, которую держала в руке, откуда она у неё взялась, было загадкой, но от кружки поднимался пар, и пахло от неё чем-то ягодным.

— Меган, из Денвера, — представилась она, делая глоток. — Я тут по обмену, учусь на биолога, а эта рыжая морда, мой сосед по комнате, она мотнула головой в сторону второго

парня, который стоял чуть поодаль и ковырял носком кроссовка песок. Тот поднял голову и виновато улыбнулся, лицо у него было всё усыпано такими же веснушками, как у Бена, и от этого он казался младше своих лет.

— Кaleb, — коротко представился он, поправляя лямку рюкзака. — Я просто люблю животных.

Все посмотрели на Люси, и она вдруг почувствовала, как её щёки заливают теплом, а сердце делает маленький кувырок где-то в груди.

— Люси, из Фернвилла, — произнесла она. — Я бросила университет, чтобы быть здесь.

Гарри присвистнул, Меган одобрительно кивнула, подняв кружку в немом тосте, а Кaleb просто молча улыбнулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Ладно, хватит болтать, — скомандовала Меган, хватая свой рюкзак и закидывая его на плечо одним ловким движением. — Пошли комнаты смотреть, пока самые лучшие кровати не разобрали.

Они зашли внутрь и первым делом попали в небольшую гостиную с большим диваном, обитым мягкой тканью цвета морской волны, низким журнальным столиком, на котором кто-то забыл пачку печенья, и кофемашиной на кухонной стойке, поблёскивающей хромированными боками. На стенах висели яркие бумажки с расписанием кормлений, правилами поведения и какой-то вдохновляющей цитатой про океан, написанной от руки разноцветными фломастерами с завитушками и маленькими рисуночками рыбок по краям. А на огромной, белой доске, которая занимала почти всю стену, мелом были выведены графики смен, списки животных и объявление: «*Встреча новых волонтеров — сегодня в 13:00 в столовой*». Люси пробежалась глазами по этим словам и почувствовала, как внутри всё трепещет от предвкушения.

Они поднялись на второй этаж по деревянной лестнице, ступеньки которой тихо поскрипывали под ногами, и Меган сразу свернула в первую же спальню. Комната оказалась просторной, светлой, с большим окном, и на удивление здесь стояли не привычные двухъярусные кровати, которые Люси видела в любом общежитии, а четыре обычные одноярусные — аккуратные, с деревянными спинками и свежим постельным бельём в сине-белую полоску. Одна кровать уже была чьей-то: на тумбочке стояла рамка с фотографией какой-то девушки с собакой, а на покрывале валялась мягкая игрушка в виде кита с потёртым плавником. Остальные три пустовали.

— Я беру ту, что у окна! — крикнула Меган и прыгнула на ближайшую кровать, даже не сняв кроссовки, и пружины жалобно скрипнули под ней.

Мальчики ушли в другую комнату, а Люси осталась последней, она скинула тяжёлый рюкзак на матрас, повернулась к окну и замерла. За окном, прямо перед ней, раскинулся бескрайний океан, переливающийся на солнце тысячами бликов, с белыми барашками волн, которые накатывали на берег и отступали, оставляя на песке тёмные, мокрые следы. Девушка не помнила, как выбежала из домика, она просто вдруг оказалась на улице, потом на горячем песке, который обжигал ступни, но она бежала, не чувствуя ни тяжести, ни усталости, только огромное, распирающее изнутри счастье.

Она добежала до самой кромки воды и остановилась, тяжело дыша, раскинув руки в стороны, как птица перед полётом. Она глубоко вдохнула солёный, влажный воздух, пахнущий водорослями, рыбой и свободой, и шагнула в воду. Прохладная волна плеснула ей на ноги, и Люси, даже не думая о том, что на ней джинсы и что сейчас они намокнут до колен, а потом будут сохнуть неизвестно сколько, прыгнула вперёд, поднимая тучу брызг, и громко засмеялась на всю округу. Она кружилась на месте, разбрызгивая воду руками, подставляя лицо солнцу и ветру, и чувствовала себя самой счастливой девушкой на земле.

Мимо неё, вытянувшись в стрелу, пронеслась стая чаек. Они кричали что-то хриплыми голосами, кружили над головой, а потом скрылись за горизонтом, и Люси почему-то показалось, что они приветствуют её, принимают в этот новый мир. Она стояла по колена в солёной

воде, мокрая, счастливая, с развевающимися на ветру чёрными волосами, и улыбалась солнцу, которое отражалось в каждой маленькой волне.

Она не видела, как вдалеке, за полосой прибоя, на доске сидел человек. Он только что поймал высокую волну. Парень с пшеничными, кучерявыми волосами, которые вечно лезли в глаза, и карими глазами, сейчас чуть прищуренными от солнца. Над левой бровью у него темнел тонкий шрам, оставшийся после детского падения с доски, и этот шрам двигался вместе с бровью, когда он хмурился или улыбался. Сейчас он как раз хмурился, потому что услышал громкий, звонкий смех, который разрезал шум прибоя. Ник потерял концентрацию ровно на секунду, но волна этого не простила: она накрыла его с головой, закрутила, бросила в пене, и он вынырнул, отплёвываясь и отфыркиваясь, как рассерженный тюлень.

Он огляделся по сторонам, вытирая лицо мокрой ладонью, и не понял: ему послышалось или на самом деле кто-то кричал? Волны шумели, ветер свистел в ушах, но смех прозвучал так отчётливо, будто кто-то стоял прямо рядом. Ник подгрёб к доске, ловко вскарабкался на неё, свесил длинные ноги в воду и только тогда заметил на берегу маленький тёмный силуэт — девушка стояла по колено в прибое, кружилась на месте, разбрызгивая воду руками, и вся её фигура светилась какой-то дикой, первобытной радостью. Он заворожённо смотрел, как она смеётся, как запрокидывает голову, как её чёрные волосы развеваются на ветру, и в этом было что-то настолько живое и настоящее, что Ник даже замер на несколько секунд, забыв про волны и про свою тренировку. А потом усмехнулся, качнул головой, отбрасывая мокрые кудри со лба, развернул доску и поплыл навстречу новой волне, но почему-то всё ещё улыбался, вспоминая тот безудержный смех, который сбил его с волны. А сзади него в небо взмыла чайка и с криком унеслась прочь.

Глава 4

Первые дни в центре пролетели как одно мгновение. Люси вставала с первыми лучами солнца, когда за окном ещё только розовело небо, а океан спал ровным, спокойным дыханием, и бежала на завтрак, чтобы успеть схватить чашку кофе и бутерброд до того, как начнётся смена. Она приставала к Бену с вопросами при каждой удобной минуте — когда он проверял списки животных, когда перекусывал на ходу, когда просто шёл из одного корпуса в другой, постукивая пальцами по планшету.

— А этот тюлень почему здесь? — спрашивала она, кивая в сторону вольера, где в бассейне плавал крупный самец, лениво переворачиваясь на спину и подставляя солнцу блестящее брюхо.

— Его нашли запутавшимся в рыболовных сетях, — объяснял Бен, не отрываясь от планшета. — Ласту повредил, но уже заживает. Через пару недель выпустим.

— А те черепахи? Их тоже сети?

— Черепахи — да, но одну нашли с пластиком в желудке, представляешь? Пакет съела, думала медуза. Еле откачали.

Люси слушала и запоминала каждое слово, и чем больше она узнавала обитателей центра, тем сильнее её сердце сжималось от боли и гнева. Здесь были морские львы с изуродованными плавниками — следы от столкновений с лодками, дельфины с рваными ранами от браконьерских сетей, маленькие пингвины, которых смыло течением далеко от родных мест, и даже одна молодая касатка, найденная возле берега совсем крохой, без матери. Бен рассказывал, что в последние месяцы случаи браконьерства участились ужасающе — лодки выходили в запрещённые зоны, ставили сети где попало, охотились на редких рыб и моллюсков, а животные страдали просто потому, что оказались не в том месте не в то время.

— У многих наших подопечных плавники повреждены так, что они не смогут выжить в дикой природе, — тихо говорил Бен, глядя на бассейн, где плавал дельфин с рваным краем спинного плавника. — Мы пытаемся их подлечить, но иногда приходится оставлять тут навсегда.

Пока Люси не доверяли самой работать с животными, она была новенькой, и нужно было сначала заслужить доверие. Поэтому дни напролёт девушка носила тяжёлые ящики с рыбой из хранилища в ветеринарный корпус, чистила разделочные столы от чешуи и крови, следила за показателями температуры в аквариумах и записывала их в планшет, который ей выдали в первый же день. Руки у неё постоянно пахли рыбой, сколько бы она их ни мыла, кеды промокли окончательно и, казалось, уже никогда не высохнут, а спина болела от постоянного подъёма тяжестей, но она была счастлива — каждое утро Люси просыпалась с мыслью, что делает что-то важное, настоящее, а не сидит в душной аудитории над формулами бензольных колец.

Чаще всего она заходила в самый дальний вольер, к бассейну, где жил дельфин по имени Скай. Его нашли запутавшимся в сетях — сети глубоко врезались в тело, повредили плавники и оставили на коже страшные рубцы. Почти два месяца его лечили, чистили раны, кололи антибиотики, и теперь Скай выглядел почти здоровым, только несколько светлых полос на спине напоминали о том, через что он прошёл. Его скоро собирались выпускать обратно в океан, и Люси любила просто стоять у края бассейна, смотреть, как он скользит по воде, и иногда, когда он подплывал к бортику и высовывал нос, ей казалось, что он узнаёт её и улыбается.

Однажды, когда она перетаскивала очередной ящик с рыбой, услышала за спиной тихий разговор двух девушек в белых футболках. Они стояли у стены с чашками кофе и оглядывались, как будто проверяли, не подслушивает ли кто.

— я серьёзно, говорю тебе, — шептала одна, рыжая, с хвостиком на затылке, который подрагивал, когда она наклонялась к подруге. — Вчера вечером, когда она выходила из ветеринарного, я стояла рядом, и её шея светилась перламутром.

— Да ладно, — с сомнением протянула вторая, более полная, с короткой стрижкой, отхлёбывая кофе. — Это просто лампа так отразилась или хайлайтер у неё был такой. Сейчас таких хайлайтеров полно, с эффектом свечения.

— Не уверена — с сомнением произнесла рыжая, понижая голос ещё больше и оглядываясь через плечо. — От шеи шёл такой свет. Красивый. Я тоже такой хайлайтер хочу.

Вторая только отмахнулась и ушла, а рыжая ещё долго смотрела ей вслед, потом пожала плечами и тоже ушла. Люси осталась стоять с ящиком в руках, переваривая услышанное. Она знала, что они говорят об Арабелле Грейс, которая была для всех работников не просто начальницей, а настоящей легендой. В центре только и было разговоров, что о том, какая она удивительная: платит больше, чем в любом другом подобном месте, каждый месяц устраивает для сотрудников пикники на пляже, никогда не кричит и не повышает голос, а если кто-то заболел или случилась беда, то всегда поможет, поддержит и найдёт решение. *«Лучший работодатель, какой у меня был»*, — говорили одни. *«Она святая просто, как она всё это тянет?»* — удивлялись другие. Люси тогда ещё не видела Арабеллу лично, только издалека, на открытии, но она уже чувствовала к этой девушке огромное уважение. А про светящуюся шею она решила пока не думать.

«Наверное, и правда какой-то хайлайтер, мало ли сейчас косметики разной.»

Она уже почти дотащила ящик до ветеринарного корпуса, когда что-то тяжёлое и плоское с силой ударило её сбоку. Большая доска врезалась прямо в бедро, и девушка не удержала равновесие. Ящик выпал из рук, перевернулся в воздухе, и десятки скользких рыб разлетелись по тёплой плиточной дорожке, засверкав чешуёй на солнце, будто кто-то рассыпал горсть серебряных монет.

— Ай! — вырвалось у неё скорее от неожиданности, чем от боли, и она потирала ушибленное место, провожая взглядом своего обидчика.

Перед ней стоял парень, на вид ему было лет четырнадцать, не больше, с взъерошенными, светлыми волосами, торчащими в разные стороны, и широко распахнутыми глазами, полными ужаса. В руках он держал огромную доску, которая была явно тяжела для него. Она перевешивала, и парень постоянно перехватывал её, пытаясь удержать в равновесии, при этом его лицо покрывал слой глины, смешанный с потом, так что даже румянец смущения, проступивший на щеках, был почти незаметен.

— Простите — выдохнул он, глядя на разбросанную рыбу, и его глаза стали ещё больше.

— Скотт, я же предлагал помочь, — раздался ещё один мужской голос, спокойный, чуть насмешливый, и из-за спины парня вышел Ник. На нём был тёмно-синий лонгслив с символикой центра и свободные шорты до колен, из-под которых торчали длинные, загорелые ноги с лёгкими царапинами от кораллов. Кучерявые, пшеничные волосы были слегка влажными, а на лице застыло выражение лёгкого извинения, будто это он, а не Скотт, только что сбил человека с ног.

— Простите — снова пробормотал Скотт, на этот раз тише, и опять перехватил доску, которая норовила выскользнуть из рук.

Ник обернулся к компании парней, которые стояли чуть поодаль с досками наперевес, и кивнул одному из них. Мальчишка примерно того же возраста, что и Скотт, подбежал, и Ник, не говоря ни слова, передал ему свою доску, более лёгкую и короткую.

— Идите пока разминайтесь, я скоро подойду, — сказал он, и небольшая группа из четырёх ребят быстро убежала в сторону пляжа.

Люси вздохнула и присела на корточки, принимаясь собирать рыбу. Это оказалось не так просто — рыба была скользкая, мокрая, она выскользывала из пальцев, плюхалась обратно

на плитку, и девушка с каждым разом всё больше злилась на себя, на эту дурацкую доску и на весь этот день. Руки дрожали от напряжения, и одна особо наглая сардина упала прямо в лужу и никак не хотела поддаваться. Тут тень накрыла её, и рядом присел Ник — молча протянул руку и начал собирать рыбу. Его движения были уверенными, быстрыми, он брал рыбу ловко, не ронял, и каждое его движение говорило о том, что он делал это тысячу раз. Девушка на секунду завистливо поджала губы, а потом подняла голову, чтобы рассмотреть лицо своего помощника, и замерла, потому что перед ней было то самое лицо с ноутбука, те самые пшеничные кудри.

— Ты?! — воскликнула она, и в голосе прозвучало столько изумления, что Ник удивлённо поднял брови.

— Мы знакомы? — спросил он спокойно, продолжая собирать рыбу, даже не глядя на неё.

Люси почувствовала, как лицо заливает жаром. Щёки стали горячими, наверное, красными как помидоры, и она отчаянно захотела провалиться сквозь землю вместе с этой дурацкой рыбой.

— Да, то есть нет, я видела тебя по ноутбуку, — выпалила она.

Ник негромко рассмеялся, так, что в уголках глаз собрались маленькие морщинки, и продолжил собирать рыбу, складывая её в ящик, который успел поднять и поставить на место. Люси почувствовала, как волосы упали на лицо, и нервно убрала их за ухо, а потом, чтобы не молчать и не выглядеть ещё более нелепо, спросила:

— А ты что тут делаешь? Ты же сёрфер, я видела твои соревнования. Ты выиграл тот заплыв, ну, с огромными волнами.

Ник поднял на неё глаза и усмехнулся, перекладывая последнюю рыбу в ящик.

— Работаю тут, в центре, — просто сказал он. — Ну и ещё у меня группа по сёрфингу для подростков, видела этих оболтусов? Вот они и есть моя основная головная боль. Скотт, который тебя сбил, между прочим, самый талантливый из них, но такой неуклюжий на суше, что ужас.

Он закрыл ящик, встал и протянул ей руку, помогая подняться. Люси взялась за его ладонь и вдруг почувствовала, как внутри неё что-то ёкнуло, будто маленькая волна набежала на берег и тут же откатилась обратно.

— Спасибо, — едва слышно прошептала она, сама не понимая, почему вдруг робеет перед этим парнем, потом кашлянула и произнесла уже громче, твёрже: — Спасибо за помощь.

Ник наклонил голову вбок, его карие глаза внимательно смотрели на неё. Он никак не мог понять, почему её лицо кажется ему знакомым, а потом вдруг вспомнил тот силуэт на берегу — девушку, которая кружилась в прибое и смеялась на весь океан, — и на его лице расцвела широкая, тёплая улыбка. Он убрал кудрявый локон, упавший на лоб, и протянул руку для рукопожатия, но потом передумал и указал на ящик, который явно был больше и тяжелее самой Люси.

— Тебе помочь? — поинтересовался он.

Люси быстро замотала головой, даже слишком быстро, так, что чёрные волосы хлестнули по щекам.

— Нет, спасибо, это совсем не тяжело, — выпалила она, подскочила к ящику, подхватила его и, почти бегом, скрылась за поворотом дорожки, даже не оглянувшись.

Ник просто стоял на месте, провожая её взглядом, и ему почему-то было смешно. Ещё ни одна девушка не убегала от него с такой панической скоростью, будто он был каким-нибудь монстром из фильма ужасов. Он покачал головой, усмехнулся и пошёл к берегу догонять свою группу.

А Люси тем временем влетела в ветеринарный корпус и с таким грохотом поставила ящик на стол, что Бен, сидевший за монитором, подпрыгнул на стуле и чуть не опрокинул чашку с кофе.

— Эй, ты чего? — поинтересовался он, округлив глаза.

— А? — переспросила она, всё ещё не пришедшая в себя после встречи. — Да нет, ничего.

Бен удивлённо приподнял бровь, но ничего не сказал, только перевёл взгляд с её раскрасневшегося лица на ящик, полный свежей рыбы. Люси, чтобы не вдаваться в подробности и не объяснять, почему она выглядит как загнанная лошадь, быстро спросила:

— Для кого эта рыба?

Юноша сразу помрачнел, его лицо стало серьёзным и уставшим, и он молча кивнул в сторону дальнего угла корпуса, где в небольшом отдельном вольере лежал маленький морской лев по имени Финн. Он был совсем ещё молодым, но выглядел ужасно: худой, с тусклой шерстью и большими, печальными глазами, в которых почти не осталось жизни. Кто-то из браконьеров прострелил ему ласту, началось заражение, и, хотя рану залечили, организм не справлялся. Финн отказывался от еды, терял вес и с каждым днём становился всё слабее.

— Надежда очень мала, — тихо сказал Бен, подходя к вольеру и глядя на морского льва. — Мы уже перепробовали всё: разные виды рыбы, витаминные добавки, даже пытались кормить его с рук. Он просто не хочет бороться. Может, эта рыба его заинтересует, но, честно говоря — он не договорил, только вздохнул и покачал головой.

Люси подошла к стеклу, положила ладонь на холодную поверхность и долго смотрела на Финна, который лежал неподвижно, только бока его тяжело вздымались и опадали. В груди у неё сжалось от жалости.

«Такой молодой, такой маленький, и никто не может ему помочь, потому что он сам уже не хочет жить».

Она молча кивнула Бену и вышла из корпуса, чувствуя, что ещё немного, и разрешётся прямо на дорожке, на глазах у всех волонтеров. Побрела к океану, села прямо на тёплый песок, обхватив колени руками, и уставилась вдаль, где бирюзовая вода сливалась с небом в одну сплошную сияющую полосу. Мысли вертелись вокруг того, что она увидела в центре за эти дни: бедный Финн, который лежал в своём вольере и почти не двигался, потому что люди отняли у него возможность плавать и охотиться. Скай, который скоро вернётся в океан, но на его теле навсегда останутся шрамы от сетей, которые никуда не исчезнут. Маленькие черепахи, которые едва выжили после того, как наглотались пластика. Она думала о том, как много жестокости в этом мире и как мало тех, кто готов защищать тех, кто не может заговорить. Браконьеры выходят в океан с сетями и ружьями, им никого не жалко — им нужны деньги, а животные просто оказываются не в том месте не в то время, платят своими жизнями и здоровьем за человеческую жадность. Люси сжала пальцы на коленях, так что костяшки побелели, и почувствовала, как внутри поднимается злость, смешанная с беспомощностью.

А потом она перевела взгляд дальше, туда, где на волнах качались маленькие, чёрные точки — сёрферы. Их было несколько, они то исчезали за гребнями волн, то снова появлялись, и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.